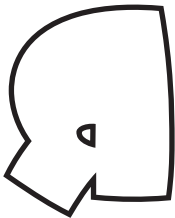

Глава первая

расскажу вам, как обижаются латвийские женщины. Таковых у нас водится три типа.

С севера пришли рыбачки. Невысокие, бойкие. У них монгольские глаза и крепкие ноги. В любви они самоотверженны. Надолго не обижаются, губу не оттопыривают. Чтобы выразить эмоции, считают они, лучше всего подходит сковорода. Выйдя замуж, варят тыквенный суп и носят на себе по пятницам своих алкоголиков. Очень надёжные и искренние.

С юго-востока прибыли гражданки другого рода. Рослые, с широкой костью. У них тонкая кожа, робкий характер и невыносимые матери. В зрелом возрасте они плевком убивают коня. В молодости мечут в обидчика предметы быта, потом с упоением ревут. Унявшись, долго смотрят в зеркало на распухший нос. Один нетрезвый генетик утверждал, их род как-то связан с лошадьми петровских драгун. Конечно, это враки. Печальные их глаза и вытянутые лица

сформированы исключительно дождливым климатом.

Наконец, самые головокружительные женщины выбрались из моря на западе. Больше неоткуда. Они пришли сражать принцев своим чудесным характером. Теперь вы знаете, как вымерли принцы. Не найдя привычной добычи, русалки сводят с ума кого попало. Светлоглазые, невесомые. Они разрушают волю, лишь раз хлопнув ресницами. Их приятно носить на руках. С ними последний задохлик чувствует себя Кинг-Конгом.

В сказке они безголосые. В настоящей жизни и рады бы поболтать, но не могут вставить и слова. Мужчины в их присутствии становятся ужасно велеречивы. Каждый спешит рассказать самую героическую из своих историй. О том, как однажды, выпив полную канистру спирта, он набил морды огромным хулиганам. В конце истории враги упали, а рассказчик даже не вспотел. Сами понимаете, русалки не великого мнения о мужском уме.

И они-то лучшие в мире по технике невербальной обиды.

Одной лишь губой маленькая женщина выражает сотни оттенков недовольства. В диапазоне от «Какой-то ты нелепый в этих джинсах», до «Я поняла, эти розы отравлены».

На их беду, средний мужчина туповат. По эмоциональной чуткости он близок к хомьякам и дафниям.

В мире известны семьсот видов женских слёз. И на всё это великолепие мужчина реагирует единственной фразой «Ну чё ты, Катя».

Деспоты Африки селят своих жён в отдельных кухнях. Без понимающего зрителя обида теряет признаки искусства. Целые пласты драматургии пропадают. Арабские антропологи даже описывают женщину как неуклюжего человечка в платке, не способного дуться вообще.

Скандинавы напротив, считают обиду нормальным состоянием жены. При усилении шторма они раскрывают газету и ждут улучшения погоды. Пять лет семейной жизни превращают мальчика в викинга. Он презирает смерть и может захватить много приличных стран, если надо.

Мой знакомый служил на танкере капитаном. Мог позволить себе дорогие излишества. Например, его жена сразу была и красива, и со скверным характером. Многие лишь мечтают о такой роскоши.

Знакомого зовут Карлис. В тридцать лет он женился на почти прозрачной девушке. Её звали Мария. У неё были тонкие пальцы и такие большие кольца в ушах, от которых нет спасения. По маме она была княжна, а по папе полячка. Пять лет они жили счастливо. Купили дом в дальней Юрмале. Он дарил ей аленькие цветочки, она ему оттопыренную свою губу.

Вообще, губа очень ловкий орган. С широкими возможностями для самовыражения.

На пятую годовщину брака Карлис приготовил плов. По секретной узбекской методике. Его жена Мария не практиковала восточную кухню, предпочитая простую еду моделей — сельдерей. Карлису показалось, она обрадуется большой горе вкусных калорий. Из пятидесяти разных рецептов он синтезировал лучший. Купил казан. Купил курдючное сало и очень дорогой рис. Рис следует варить в льняном мешке, он купил ткань, сшил мешок. Учёл сотни тонкостей.

Но женщины не считают приятным подарком жирное месиво в чёрном котле. Колечко с топазом куда милее, уверяют они окружающих. Мария взяла себя в руки и попробовала сюрприз. Целых две секунды сдерживалась. Потом призналась, что плов — говно.

Карлис неделю это блюдо планировал и три дня готовил. Вложил в него душу и килограмм изюма. Он тоже не стал увливать и сказал ей — дура!

Мария выдвинула губу на 13 миллиметров, что значило «враги навсегда». Выбежала, села в джип и уехала. Долго приходила в себя. Даже заехала в крупный торговый центр, в терапевтических целях. Там нашла такой шарфик, что решила, ничего. Он всё-таки старался. Смешно искать в мужчине душу. Дерево, оно и есть дерево.

Вернулась домой. А дома пятеро его друзей, уже пьяные, жрут проклятый плов. Смеются гадкими голосами.

Другая стала бы мстить. Налила бы всем за шиворот рыбьего клею. Позвонила бы его вредной маме, чемпионке по мерзости характера. Сказала бы, у сына кариес, а он не хочет лечить. Мама бы примчалась и запломбировала Карлису его капитанский мозг. Да мало ли чего. У расстроенной женщины фантазия шире возможностей бога.

Но месть — удовольствие низких людей. Благородные натуры это остро чувствуют. Маша обрызгала компанию слезами, схватила запасные трусы и умчалась к подруге на шесть дней. В некоторых обстоятельствах это почти вечность.

Женское сердце нелогично, глупо и прекрасно. Можно воспеть глаза, колени, шею. Всё, что знает о женщине анатомический атлас, всё в ней волшебю. Если только она помнит, как коварны бывают сладкие булочки.

Но колени с годами обвиснут, глаза выцветут. И только сердце останется шёлковым. Оно способно простить сожравшего деревню дракона, потому что зверёк хотел кушать.

С мужем трудней. Тут нет смешного хвостика и белых лапок. Жалеть и прощать мужа почти не за что.

И всё-таки, Маша заехала посмотреть как он там, дурак.

Карлис сидел трезвый, причёсанный, руки на коленях. Пол выметен. По грустному лицу было видно, раскаивается. Маша решила дать ему шанс. Она спросила.

— Я видела, ты звонил. Ты хотел что-то сказать?

А он:

— Да. Не могу найти патроны. Мы с мужиками идём на кабана, я весь дом обыскал.

То есть, он ничего не понял. Мария показала ему выражение лица «горькая усмешка № 7, прощальная».

И ушла. Он мямлил вслед про любовь и одиночество, но было поздно.

В тот же вечер она уехала. В Таиланд. Навсегда, практически. Гуляла по пляжам и другим медитативным местам. Думала, как же хорошо вот так, совсем одной. Никто не предаст и не плюнет в доверчиво распахнутую душу.

Когда отдых наконец-то закончился, она заехала домой. За одеждой. Представляла, как обдаст его холодом. Как он всё переосмыслит и содрогнётся. И, может быть, даже поседет от осознания свалившегося горя.

Заходит в дом, а навстречу какая-то белобрысая дрянь в трико. Вульгарная, глаза рыбы, губы средней полноты, рост 173, вес не меньше 60-ти, на плече тату с паучком, страшная безвкусица. Других деталей не заметила, вообще не смотрела, очень надо. И ещё говорит:

— Здрасьте, Карлис вышел, скоро будет.

Тут как раз подъехал Карлис. Увидел, что его встречает группа хмурых женщин и не стал останавливаться. Он не решился причалить вот так сразу. Почувствовал, что у него ещё дела. И помчался куда-то вдаль. Иногда с танкером общаться проще, чем объяснять жене, что это не дрянь, а Лиза, домработница.

Мария не выдержала. Прыгнула в джип и погналась. Может, она хотела кого-нибудь обезглавить. Или оторвать этому кому-то его бубенцы. Забить на смерть туго скрученной газетой. Неизвестно. Хотя бы треснуть его в бампер.

В Интернете полно видео, где злая жена колотит машину мужа своим драндулетом. Сегодня это модно. Например, проклятый изменник приехал к любовнице. А жена выследила, подкралась, и ну долбить. Только брызги летят. Все мужчины видели это кино и ужасались. И каждый запомнил, если на вас

мчится ваша официальная любовь, самое лучшее — всё бросить и бежать.

Супруги мчались по деревне, пугая дачников. Как Шумахер и Алонсо, как Чапай и белые. Это была лучшая погоня в истории посёлка. Клубы пыли можно было видеть из космоса, если знать, куда смотреть. Ехали они, ехали, потом Карлис неловко как-то свернул и врезался в дуб. И замер за рулём, подозрительно.

Рассерженная жена польско-княжеских кровей вмиг стала просто Машей. Она подбежала и стала его вытаскивать, мерзавца. И оторвала дверь машины вместе с петлями, в спешке. А он такой, весь в битых стёклах:

— Маша, Маша, эта коза, она из фирмы по мытью посуды и пола. А я одну тебя люблю. Хочешь йоркширского терьера?

— И шубку, — согласилась Маша, потому что правда была на её стороне.

Если бы эту историю пересказывал Киплинг, Карлис в эпилоге уехал бы в Новую Каледонию. И там бы пропал, изучая новый галлюциноген на основе выпаренных жаб. Маша бы погоревала и вышла за соседа полковника. Но поскольку это повесть об обычном русско-латышском браке, дальше всё скучно. Они родили пару толстопузых негодяев. Карлис утратил

тягу к кулинарии и увлёкся плетением корзин. Маша продолжает обижаться, потому что лучшего способа разнообразить жизнь латвийской деревни так никто не придумал.

Ещё у них родилась девочка, Ева. Сейчас ей двадцать, она пахнет моим несчастьем. Я из-за неё то смеюсь, то плачу. Но всё равно, иду на запах.

**Из журнала «Бэль»,
колонка Матвея Станилевского**

Н

* * *

очью повалил снег.

Когда посетителей мало, Ашот говорит:

— Матвей, набрось на клавиши вуаль и ступай.

Ашот мечтает вырастить из рюмочной музыкальный салон. Приволок старое пианино с подсвечниками. На таком хорошо исполнять романс «Уйми мою печаль». Ашот заплатил настройщику больше, чем стоил бы новый рояль. Собрал телефоны знакомых тапёров. Теперь мне не надо готовить ужин по пятницам и средам. Отыграв три сета, я пью кофе, раскладываюсь с барменом и еду к себе, на Васильевский.

Под первым снегом город путает цвета, чёрное небо над белой землёй. На тротуарах хоть роман пиши. Я медленно катил вдоль Таврического сада. На углу с Кировочной будто белая тряпка мелькнула перед капотом. Чьё-то полужидкое тело шмякнулось и стекло на асфальт. Пешеход. Девица. Слепая курица. Я выскочил из-за руля, стал её поднимать. Пострадав-

шая носила белые одежды, но так ругалась, точно не ангел. Бурчала сквозь зубы неразборчиво. Однако ж смысл её бормотаний не требовал пояснений.

Улица была пуста. Тишина, ночь и снег. Устраивать шоу со слезами и свидетелями не хотелось. Я взял барышню на руки. Судя по запаху, она вся состояла из коньяка и бисквита. Торт, а не девушка. Усадил в машину. Сказал, сейчас поедем к дяде доктору. Уже всё хорошо, уже сейчас. И погнал на проспект Луначарского, в областную больницу. Красивая и пьяная, падшая не-ангел повернулась боком и заснула.

В областной больнице работает одноклассник, Саша Пивоваров. Он хотел стать гинекологом, но из страха потерять либидо ушёл в травматологию.

— Гинекологи слишком много знают о внутреннем мире женщин, — решил он. В ортопедии же он надеялся на бесконечные встречи с растяжениями женской лодыжки. Саша не обычный медик-бабник, а очень романтичный. Свою теперешнюю сколопендру Лену он пятнадцать раз подряд провожал с работы до подъезда и не тронул даже за локоть. Снова и снова они прощались у дверей. Пресыщенная Есениным Лена не выдержала и сказала:

— Тебе прелюдия дороже человека!

С тех пор их чувства только крепили, несмотря на сотни исцелённых пациенток.

Саша обожает бразильские сериалы. Он выучил португальский и впитывает яд чужих измен без потери качества. Долгие ночи дежурств всё смотрит долгие, как полярная ночь истории. В них мерзавец Жозе бросил Алисию. А богатый и вычурно красивый Олаву полюбил её прямо на автобусной остановке, под дождём. А она не была к этому готова. Поэтому сначала отвергла Олаву. Тогда он женился на другой. Алисия страдала, и он страдал, и так далее, до самого финала, который отодвинут куда-то далеко за сроки жизни нашей солнечной системы.

Я позвонил Саше, сказал, что сбил девушку, симпатичную. Сентиментальный Сашин мозг спроецировал на нас какой-то бразильский бред. Ортопед разволновался, выбежал на улицу. Ему не терпелось присутствовать при завязке сюжета. При всём его больном воображении, врач он прекрасный.

Он принялся, спросил, как зовут коньячную фею. Я не знал, что ответить. Сумочки при ней не было. Лапать документы по карманам неловко. Мадемуазель перенесли на каталку, затащили в зев приённого покоя. Дева продолжала ворчать, но не как раненая, а как очень пьяный зимний сторож.

Однажды мне под колёса выскочил мальчишка. Гаврош, дитя заводских окраин, собиратель бутылок. Он начал курить ещё в яслях и не вырос. Его никто бы не заметил за машинами. При том оказался крепким

как гвоздь. После удара вскочил и понёсся к горизонту. Я кричал ему — вернись, у тебя шок! Но звуки моего голоса преодолевали пространство медленней, чем его ноги. Гнаться по центру Питера за ребёнком — плохая идея. Граждане могли накидать мне по соплям, на всякий случай. Чтоб не пугал маленьких. Да и поймать этого юного гепарда смог бы только очень быстроногий автомобилист. А я пианист и офисный работник, вовсе не бегун.

Теперь, подчиняясь закону второго ботинка, под колёса выпала эта пьяная снежинка. Жаль, она была не в состоянии так же смущённо сбежать в темноту. Я был бы ей признателен.

Больничная кофе-машина разливала бурю глину по цене венского кофе. От бессонницы и этого пошла голова кружилась. Из зеркала в гардеробе на меня смотрел инопланетянин с тёмными пятнами вместо глаз, с лицом серым, как деревенская дорога. Я пообещал, что завтра поеду в храм. Поставлю свечу «за здоровье рабы твоей, господи, анонимной, в белом пальто».

Под утро «скорая» привезла мужика с заклинившим сердцем. Снова вышел доктор Саша. Сказал, как только появятся гадкие новости, он позвонит. Здесь сидеть не обязательно. Пострадавшую осмотрели. Вроде бы, цела. Ничего такая, ножки, попка. Уши ма-

ленькие. Теперь спит. Как проснётся, будем чистить кровь. Подключим систему или даже перегонный куб. Из пациентки можно выпарить до литра отличного коньяка. И, конечно, она пройдёт всякие МРТ, УЗИ, рентген. Всё как в медицинских сериалах, только намного, намного дороже. Саша сделал специальное лицо, приглашая улыбнуться его весёлой шутке. Я неопределённо поморщился.

Спросил, почём обойдётся диагностика. Саша написал в блокноте пять цифр. Раньше его рунические загогулины вызывали радостное удивление — как же можно так криво. Сумбурная смесь арабской вязи с криптографией немецких подлодок. Сегодня впервые я удивился не форме написания, а смыслу. Цифры намекали, пришло время всё продавать и бежать в Финляндию. Как Ленин по льду залива.

— Это смета ремонта клиники? — я знаю, торг надо начинать издалека, с абстрактной фразы. — Может, давай на эти деньги купим немецкий округ Вестфалию, у них там отлично лечат. Сэкономим, заодно.

Саша не любит мелочных людей. Он считает, хороший врач не опустится до поста и воздержания.

— Если дорого, ступай в милицию. Они выпишут направление в Сибирь. Научат шить варежки. За десять лет накопишь на «калину». Станешь давить красивых женских прохожих с удвоенной ненавистью.

— Надо было везти её сразу в ЗАГС, пока пьяная. Отдал бы половину нажитого при разводе, вышло бы дешевле.

— Старик, настоящее разорение впереди. Я видел её при свете. Без тяжёлый материальных потрясений с ней расстаться невозможно.

Банк ночью денег не даст. Им всё равно, кого ты переехал джипом. Я отправился домой. Дома пусто.

Два года назад моя жена повстречала мужчину своей мечты и это был не я. Отрада её очей служит альтистом у Спивакова. И вот уже два года, как мне неприятно творчество их оркестра. Я считаю его унылой попсой.

Оля долго переезжала. Будто отрезала по частям — уши, хвост. В Новый, 2009-й год, её тело окончательно перешло к альтисту. Со мной же остался дух. Бродит по квартире, шелестит занавеской в ванной, заглядывает в холодильник. Первое время я покупал ватрушки на двоих и грел полный чайник, по привычке. Но призрак жены не жрёт ничего. В часы между ужином и сном он делается особенно навязчивым. Я не прочь бы завалить его в кровать, но бесплотная иллюзия ускользает.

Представляю, как однажды я обрадуюсь её пропаже. Раздастся звонок в прихожей. Открою дверь, а там холостая Моника Белуччи. Заплаканная, расстроенная, и попросит стакан воды. И вот я с радостью не

в силах отказать Монике. И уже ночью, когда Моника, как смогла, выразила благодарность за питьё, я тихо скажу небесам «спасибо». А пока не могу. Покупаю по две ватрушки. И занавески качаются, будто кто-то их шевелит.

У меня двухкомнатная квартира на Васильевском острове. Престижный район. Даже алкоголики, и те у нас не вонючие. Работаю в рекламной конторе, сочиняю вредную для здоровья галиматью. Два раза в неделю бряцаю по клавишам в ресторане Ашота. Кабачок называется «Чёрный голубь». По замыслу хозяина, я и есть этот голубь. Владелец специально подарил мне свитер цвета «только ночь сосёт глаза». Пианино вороное, две белых свечи оттеняют нашу с инструментом бескомпромиссную антрацитовость. Ничего не знаю о выручке. Платит Ашот исправно. Подозреваю, из своего кармана. Своё понимание термина «чёрный джаз» он отразил в нашем погребальном дизайне.

Ещё пишу колонки в два журнала, в «Бэль» и в «Шоколад». В резаном телеграфном стиле. Подражаю Эрленду Лу. Мой лирический образ — мужчина с разбитым сердцем. Познавшие горечь разлук читательницы охотно меня жалеют.

Днём отращиваю сало в офисе. За соседним столом точит ногти дочка шефа, Катя. Пересказывает мне

ЖЖ, приносит какао, иногда булочки, самодельные. Мы с ней перемигиваемся. Покуда я не целюсь в зятя, её папа меня не жрёт.

Однажды Катя напросилась со мной в ресторан, послушать как играют человеко-голуби. Я исполнил ей композицию «Nature boy», полную многозначительной неги. И ранил прямо в душу, своими неполными аккордами. Не то чтоб сердце вдребезги. Но мы пили вино и целовались потом в машине. Потом в моей кухне. Дальше лобзаний дело не пошло. Списали на хмель. Я в ту ночь спал на диванчике в гостиной. Катя заняла оборону в спальне. Пару раз ещё она оставалась у меня. По-дружески, за тщательно закрытой дверью. Конечно, летает между нами некое напряжение. Того и гляди, бабахнет голубым и белым.

Её папенька, Гамлет Суренович, похож на Кощей лицом и характером. Не удивлюсь, если секрет его деловой удачи связан с дубом, сундуком и зайцем. Как директору, ему даже идёт некоторая костистая мрачность. Он почти прекрасен, как начальник. Строгий, все его боятся. Не то чтоб я опасался получить за дочку в лоб посохом. Взяться за Катю подробней мешает не папа, а отчётливый, как на фото, призрак сбежавшей жены. Ну да, я уже жаловался. Он всплывает всегда ни к месту, и всегда очень ярко.

Лечиться Катей от жены нечестно. Катя этого не заслужила. Гармонии в мире нет. И не было никогда. Интересно, к каким таким метаморфозам свалилась на меня эта снежная баба. Пошли нам всем, господа, для неё здоровья.

Я чувствовал себя аквариумом, наполненным гадким кофе. Но упал и уснул так крепко, будто не людей сбивал, а поля возделывал.

Проснулся в полдень. Воскресенье. Где-то в коридоре плакал телефон. Долго шлёпал куртку по карманам, спросонья не мог найти. Звонил доктор Саша. Чемпион по шифрованную финансовых отчётов. У него скопились новости.

— Ну, слушай, поздравляю. Шесть переломов. Сотрясение и тяжёлая контузия. Тебе повезло. Она никогда ничего не вспомнит.

Я молчал.

— Ещё разрыв селезёнки. Менингит и колики. Артрит, радикулит, беременность. Тройня. Забыл сказать, ещё холера. Старик, где ты её нашёл? Я напишу о ней диссертацию!

Если Саша взялся шутить, важно не суетиться. Приступ юмора скоро пройдёт. Можно перемножить в уме трёхзначные числа или просто думать о здоровье для всех людей Земли. Ни в коем случае не отвечайте и не подыгрывайте. Иначе Александр запишет вас в остроумные люди навсегда. И больше ни сло-

ва в простоте из его уст вы не услышите нипочём, во веки веков, аминь.

Не найдя поддержки, Саша прикрутил фонтан юмора и заговорил, как человек с почти здоровым мозгом.

— В общем, так. Она здорова. Можете размножаться, благословляю. Анализ крови непонятный, но ещё проверим. Щёки розовые, дышит ровно, мыслит ясно. Мы поболтали. Её зовут Ева Упите. Она из Риги, фамилия латышская. Переводится как маленькая, маленькая река. Ручей, практически. Приехала в гости к подружке. От той сбежал муж. Бабник, трус и негодяй. Воспользовавшись отсутствием подлеца, девочки уничтожили коллекцию его коньяков. Из соображений мести и духовного роста. А вчера муж вернулся. Понятно, скандал. Не желая портить интимный момент, твоя снегурочка пошла гулять и встретила тебя. На всякий случай, я сказал, сбивший её хам скрылся в темноте декабря. Сюда её привёз неизвестный рыцарь. Это ты. Не пугайся. Звучит дико, непривычно, но надо терпеть. За чей счёт весь этот диагностический пир, она не спросила. Буржуйка в пятом поколении. Я бы с ней похихикал поподробней, но на работе не могу. Моя Лена такой анестезиолог. Отравит — не заметишь. В общем, дуй сюда, забирай свою Белоснежку.

Терпеть не могу без вины извиняться. Выпала пьяная коза на дорогу. Но виноват, разумеется, я. Потому что ехал на наглom чёрном джипе. Придётся чего-то врать. Я купил кондитерского вида георгин, символ мужского покаяния. Приехал в больницу.

Больная сидела в кровати, размазывала по тарелке что-то серое и липкое. Администрация выдала ей зелёный халат универсального размера, в такой можно танк завернуть. И два левых тапка. Ножки тонкие. Жалко её.

— Здравствуйте. Я Матвей, это я вас вчера... повстречал. Ночью. Вижу, вас кормят столярным клеем?

— Да. Они боятся, я развалюсь на тысячу отдельных девочек.

— Это было бы горе. Вам идёт, когда вы целая.

— Скажите, Матвей. Вот вы хотели меня задавить из спортивных соображений, или из личной неприязни?

Значит, Саше она не поверила. Я стусевался.

— Послушайте, Ева... вы так внезапно, как с метлы свалились, я очень виноват...

— Да. Я такая... Когда выпью, от меня не увернуться. Позже я придумаю способ, как вам отомстить. Берегитесь отныне женщин в пальто. А пока садитесь.

Она подобрала ноги, подвинулась. Я присел на край кровати.

Очень приятная девочка. Она нравилась, никаких усилий к тому не прилагая. Без кокетства и специальных, отрепетированных поз. Ей достались такие ресницы, такие тонкие запястья, что насмотревшись, не жаль и застрелиться. Оставшись в комнате без людей, наверное, она очарует мебель. За ней вприпрыжку убегут кровать и тумбочка.

Ева отставила тарелку.

— Послушайте. Ваш автомобиль поступил со мной так, что теперь обязан жениться. Но я вас обоих прощу, если вы отвезёте меня домой. Когда я выбежала в ночь таранить транспорт, то не взяла с собой ни денег, ни телефона. А у девчонок такой специальный мозг, номера в нём совершенно не хранятся. Это же не нужные для жизни таблицы калорийности. Коротче, положите меня туда, откуда взяли. Пожалуйста.

К полудню город превратился в филиал Колпинских болот. Улицы полили реагентом. Куда ни ступи, под ногами хлюпает бурая грязь. Мы заехали в химчистку, сдали пальто. Постояли в пробке на Невском. Я рассказал, как писал однажды рекламу жидкого мыла. Меня вызвал шеф, вручил баночку с бледно-жёлтой субстанцией. С этикетки тарашилась светловолосая фея. Волосы феи развевались сразу во все стороны. Как принято у женщин на этикетках, она улыбалась очень счастливо. Над ней была густо-зелёная надпись «Molly». Шеф спросил, знаю ли я, что это.

Я ответил: конечно. Вчера обсуждали производителя шампуней, потенциального клиента. Шеф приказал написать к утру рекламный проспект.

Я не стал испытывать шампунь на себе. Только понюхал: вязкая гадость пахла яйцом и травами. Статью накатал быстро. Нигде не указал, что это шампунь. Это была хитрость. Писал только имя собственное — Молли. Получалось будто Молли — наш старый знакомый, лучший друг. То есть, подруга. Без Молли — никуда. Без него (неё) и баня не баня.

Утром отправил секретарю, она переправила заказчику. В обед меня вызвал шеф. Сказал, что клиент шокирован. Он уверен, наши текстовики стимулируют творчество запрещёнными препаратами. Я поклялся, что был трезв.

Шеф казал, что я правильно уловил маркетинговую идею: некая Молли нашла лучший в мире состав. Но зачем эти перегибы, эти странные утверждения: что майонез «Molly» универсальное средство, которое можно использовать как гель для душа, в том числе. Что волосы от него удивительно пышные, что он снимает кожный зуд и питает эпителий головы экстрактом яиц и чабреца. Шеф спросил также, не пробовал ли я сам есть этот майонез-майонез ртом, или только всё наружно применяю, как указано в статье?

Выбрались из пробок, докатились до Таврической. Я снял с себя куртку, проводил её до дверей. Третий

этаж. Если бы никто не открыл, потащил бы в «Чёрной голубь». Сыграл бы «Nature boy», проверенное средство.

За дверью затопали.

— Ну вот, Матвей, всё в порядке. — Ева улыбнулась, вернула мне лапсердак. Я улыбнулся почти естественно, кивнул и пошёл прочь. Со второго этажа слышал, загремели замки, распахнулась дверь. Чужой противный голос затрещал:

— Евка, мы же чуть с ума не сошли. Звонили, звонили... Твоя мама нас съест!

Мы расстались — никак. Странно. Будто ехали в одном купе и разбежались каждый в свою сторону. Нужно было телефон спросить, хотя бы.

Вечером я сел писать колонку. За час написал пять предложений: «У неё низкий голос, чуть посаженные связки. Будто она не спит ночами и много курит. И тонкие пальцы. Если она меня ими коснётся, я замру, как ёж. И, кажется, я приплыл».